

Харгрейв Дженнингс,

фаллицизм

и

предыстория О.Т.О.¹

*...проблески благородного энтузиазма в отношении великих общественных проблем все еще можно было наблюдать <...> полвека тому назад, когда Харгрейв Дженнингс, Годфри Хиггинс, Джеральд Мэсси, Кеннет Маккензи, Джон Яркер, Теодор Ройсс, Уинн Уэсткотт и прочие искали истину в его [т.е. масонства] традициях и мечтали воздвигнуть храм Согласия, в котором безо всякой взаимной вражды будут собираться последователи всех вероисповеданий и представители всех народов.
— Алистер Кроули, «Исповедь»*

*Оправдание и объяснение религии может быть найдено только во взаимоотношениях полов. Только там, и более нигде.
— Харгрейв Дженнингс, «Фаллицизм»*

Харгрейв Дженнингс (1817—1890) был одним из главных действующих лиц той волны оккультного возрождения, которая поднялась в Европе и Америке в середине XIX столетия.

Подобно своим современникам Маккензи и Яркеру, он был отчасти организатором тайных обществ, отчасти же — в некотором роде историком. Значимость его как историка определяется влиятельностью основной идеи его трудов, которая в конечном счете сыграла важную роль в формировании *Ordo Templi Orientis*. Следует также отметить, что, как глава Ордена Розы, Дженнингс посвятил Паскаля Беверли Рэндольфа в таинства розенкрейцеров (в 1861 году), а также был наставником Питера Дэвидсона (1842—1916) Прямого Главы Герметического Братства Света.

Перу Дженнингса принадлежит множество работ на «розенкрейцерские» (в широком смысле слова) и более общие исторические и социально-политические темы. Главный его труд, «Розенкрейцеры, их обряды и таинства», в свое время удостоился похвалы от сэра Эдварда Бульвера-Литтона, а позднее оказал значительное влияние на Алистера Кроули, который почтил Дженнингса в «*Liber XV*» упоминанием в списке гностических святых. «Розенкрейцеры» вошли в число работ, рекомендованных для изучения соискателям А.:А.:. Но положила руку на сердце следует признать, что помпезный стиль этого автора, типичный для середины викторианской эпохи, и столь же типично викторианский иносказательный подход к целому ряду предметов — начиная от фаллицизма как такового и заканчивая менструациями, — фактически не подлежавших упоминанию в печати (во всяком случае, в его время), существенно сузили круг читателей его основных работ и серьезно затруднили оставшимся понимание его рассуждений.

В 1884 году Дженнингс не без самодовольства писал Дэвидсону: «...полагаю, вы читали “Розенкрейцеров”; возможно, вы обратили внимание, что Второе Дополненное Издание (а я расширил его весьма значительно и копаю глубже прежнего, если можно так

¹ Отрывок из книги Аллена Гринфилда «Истоки современной магии, 1700—2000».

выразиться) уже почти распродалось, а ведь оно было отпечатано в Двух Тысячах Экземпляров, так же как и Первое». Разумеется, даже по тем временам такие тиражи нельзя признать массовыми, и здесь перед нами еще одно свидетельство того, что оккультное движение XIX века следует рассматривать (как я неоднократно утверждал в различных статьях и книгах), прежде всего, с точки зрения взаимосвязей и отношений, бытовавших внутри довольно немногочисленного и замкнутого в своих пределах круга энтузиастов, большинство из которых (за исключением Бульвера-Литтона и, возможно, еще одного-двух человек), как в Европе, так и в Америке, принадлежали к узким группам единомышленников и обращались к аудитории весьма скромных размеров.

Дженнингс, как мы уже намекнули, не был исключением из этого общего правила, что, однако, ни в коей мере не преуменьшает его влияние. Среди тех, кто сотрудничал с ним или даже просто читал его книги достаточно вдумчиво, он обрел — и среди своих ровесников, и в следующем поколении — немало восприимчивых последователей, открытых новому. Эти блестящие молодые оккультисты понимали, к чему он клонит, и были готовы принять его идеи. Читать «Розенкрейцеров» — работа непростая, но даже в наши дни труд внимательного читателя окупится сторицей. Те же, кто понял и принял теории Дженнингса в его дни, — в том числе Рэндольф и Дэвидсон — возглавили общества, которые, с моей точки зрения, по праву следует признать прямыми предшественниками О.Т.О.

С точки зрения Дженнингса, древнейшим объектом религиозного поклонения в макрокосме был огонь (Солнце), а в микрокосме — фаллос (под каковым следует понимать органы размножения вообще — и мужские, и женские):

...почитатели Солнца, Света или Огня, как в Старом, так и в Новом мире поклонялись не Солнцу, Свету или Огню как таковому (ибо в этом случае они читали бы Дьявола, под именем которого предстает всякий мыслимый Свет), но Великому Неведомому Богу в том образе, который, с точки зрения человека, является последним для всякой вещи, — в образе Огня.

Лингам, или столп, или мемориальная плита — это материальное выражение идеи мужского производительного начала, порождающего в соединении с йони, или диском, все зримые вещи.

Несомненно, Дженнингс испытал значительное влияние антропологических теорий Джеральда Мэсси, которые основывались на произвольных лингвистических ассоциациях и впоследствии были вытеснены новаторскими концепциями Фрэзера, изложенными в «Золотой ветви». Кроме того, он был поборником давно устаревших представлений о непрерывной масонской традиции, восходящей к глубокой древности. Но, несмотря на все эти заблуждения, автору «Розенкрейцеров» удалось сформулировать один из важнейших принципов, оказавших влияние на философию Нового Эона, — идею исключительной символической значимости Солнца в макрокосме и Фаллоса в микрокосме.

Дженнингс жил в эпоху Диккенса, во времена, когда в Британии (не говоря уже об Америке) начали набирать силу движения за общественные реформы, и его интересы отнюдь не ограничивались областью оккультного. В эссе «Детскость и жестокость нашего времени» он писал: «За последние годы я убедился, что наш современный мир развивается слишком быстро, и это становится небезопасным. Причин тому множество, но главные из них — любовь к зрелищам, любовь к деньгам и себялюбие. Все эти качества хороши, когда проявляются умеренно; но, будучи преувеличены и доведены до крайностей, они влекут за собой несчастья».

Чтобы дать читателю представление о масштабах и многогранности его литературной деятельности, хватило бы простого перечисления его работ (а надо

отметить, что Дженнингс был также переводчиком с нескольких языков). Достаточно полная библиография приводится в конце настоящей главы.

Но, несмотря на все разнообразие интересов, Дженнингс снова и снова возвращался к одной и той же теме — теме фаллицизма и сексуальности как общей основы всевозможных духовных учений, возникавших по всему миру во все времена. Предвосхищая такие работы, как «Liber LXVI» Кроули, Дженнингс уделяет немало внимания вопросу о тайном, эзотерическом смысле британского ордена Подвязки:

Тот факт, что орден Подвязки носит женский характер и по происхождению представляет собой идеализацию «Розы» и особого физиологического явления, свойственного только женщинам, опирается на множество доказательств — таких, например, как две подвязки, красная и белая, или двадцать шесть рыцарей², олицетворяющих дважды тринадцать лунаций года, тринадцать символических суток, состоящих из «тьмы и света», «ночи и дня». «Но в чем же здесь магия и святость с точки зрения розенкрейцеров?» — спросит читатель. На этот вопрос имеется ответ, вполне исчерпывающий и удовлетворительный; но подробности вопрошающему придется уяснить для себя самостоятельно, ибо распространяться о них открыто не позволяют приличия.

Во всех умолчаниях или неясностях, которые современный читатель может усмотреть в этом рассуждении о магических свойствах менструации, повинен не столько Харгрейв Дженнингс, сколько викторианский подход к вопросам благопристойности. Более того, для своей эпохи Дженнингс необыкновенно откровенен. Временами его открытость даже граничит с непристойностью:

...то красным, то белым, как Роза Мира: Розамонда, Rosa Mundi. Как аргумент в пользу нашей новой версии происхождения ордена Подвязки к этому можно присовокупить сам девиз этого благороднейшего ордена:

*Honi soit qui mal y pense!³
«Yoni» soit qui mal y pense!*

Что такое эта «йони» и какие перемены она прославляет и символизирует, рассудительный читатель поймет и сам, потратив на раздумья не так уж много времени.

Дженнингс, Эмма Бриттен и некоторые другие писатели и организаторы того периода подготовили почву для гнозиса сексуальной магии — течения, с которым мы привыкли связывать другие, более поздние имена: П.Б. Рэндольфа, Питера Дэвидсона, Макса Теона и Теодора Ройсса. Однако Рэндольф именует Дженнингса «Великим Мастером нашего Ордена», а Дэвидсон в своих «Символических заметках о Первой степени» обильно заимствует отрывки из работ Дженнингса и Бриттен. Более того, Дженнингс, по всей вероятности, повлиял на мировоззрение Папюса и Ройсса и даже, предположительно, внес свою лепту в возникновение инициалов того славного общества, которое несет в мир и стремится усовершенствовать его ключевые идеи в наши дни⁴.

² Количество членов ордена Подвязки ограничено: одновременно этой награды могут быть удостоены не более 25 «компаньонов» (рыцарей или дам), во главе которых стоит 26-й член ордена — «суверен» (король или королева). — *Примеч. перев.*

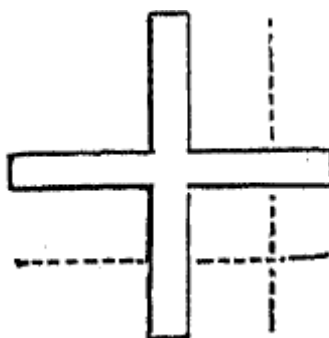
³ «Позор тому, кто дурно об этом подумает» (фр.). — *Примеч. перев.*

⁴ Имеется в виду О.Т.О.; буквы, составляющие эту аббревиатуру, образованы из тех же элементов, что и крест-анх или символ Венеры (см. ниже). — *Примеч. перев.*

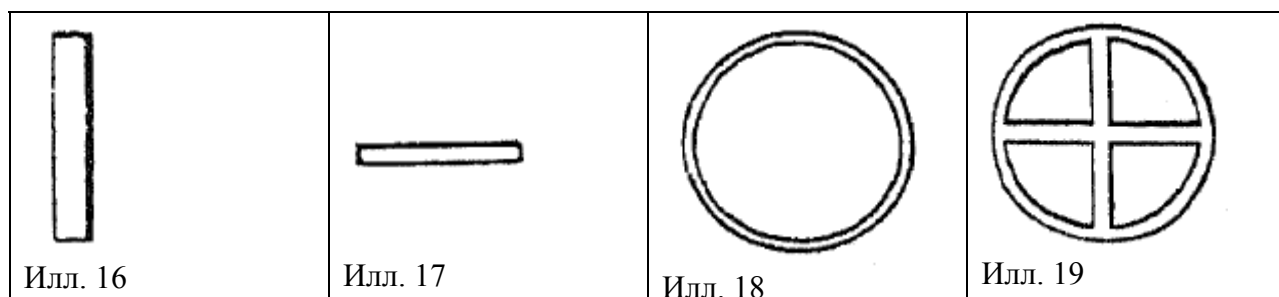
В «Розенкрейцерах» приводится серия иллюстраций, к которой Дженнингс дает следующие пояснения:

На илл. (С) соединение фигур 16 и 17 образует крест. Фигура 18 — это круг земной, фигура. 19 — астрономический крест поверх земного круга. Совмещая фигуры 18, 17 и 16 в указанном порядке, мы получим *stich ansata*, с исключительным постоянством повторяющийся во всей египетской скульптуре, — знак, служащий также символом планеты Венера...

Илл. 15 (В). Крест

(С)

Избранные труды Харгрейва Дженнингса

Archaic Rock Inscriptions (1891).

Childishness and Brutality of the Time.

Cultus Arborum: A Descriptive Account of Phallic Tree Worship with Illustrative Legends, Superstition, etc.; Exhibiting Its Origin and Development.

Amongst the Eastern and Western Nations of the World, from the Earliest to Modern Times (ок. 1890).

Fishes, Flowers, and Fire as Elements and Deities in the Phallic Faiths and Worship of the Ancient Religions of Greece, Babylon, Rome, India, etc., with Illustrative Myths and Legends (ок. 1890).

Indian Religions or Results of the Mysterious Buddhism.

Live Lights or Dead Lights: Altar or Table (1873).

Masculine Cross (1891).

My Marine Memorandum Book (23 августа 1845).

Mysteries of the Rosie Cross, or the History of that Curious Sect of the Middle Ages, known as the Rosicrucians, with Examples of their Pretensions and Claims (ок. 1891).

Nature Worship: An Account of Phallic Faiths and Practices Ancient and Modern (1891).

Obelisk, The (1877).
One of the Thirty: A Strange History.
Ophiolatreia: An Account of the Rites and Mysteries Connected With the Origin, Rise and Development of Serpent Worship.
Phallic Miscellanies: Facts and Phases of Ancient and Modern Sex Worship, as Explained Chiefly in the Religion of India: an Appendix of Additional and Explanatory Matter to the Volumes Phallicism, and Nature Worship (1891).
Phallic Objects, Monuments and Remains (1889).
Phallicism: Celestial & Terrestrial; Heathen & Christian & Its Connection With the Rosicrucians & Gnostics & Its Foundation in Buddhism (Privately Printed 1889, Published 1891).
Ship of Glass, The (19 сентября 1846).

Добросовестному читателю следует принять к сведению, что по поводу так называемого «цикла натурфилософских и мистических работ», опубликованных в 1889—1891 гг., мнения библиофилов расходятся. Все эти книги, увидевшие свет в последние годы жизни Дженнингса, почти наверняка были написаны именно им. Но поскольку некоторые из них были опубликованы уже после его смерти, не исключено, что он не успел проследить за содержанием титульных листов и указаниями авторства. И все же стиль Дженнингса неповторим: чтобы распознать его руку в этих работах, достаточно ознакомиться хотя бы с приведенными выше краткими цитатами из других его трудов.

Перевод © Анна Блейз, 2010